

О СЧАСТЬИ И ЛЮБВИ.

Из авторитетной книжки „Русской Мысли“ отпечатались два разсказа Антона Чехова „Крыжовник“ и „4 любви“.

В „Крыжовник“ автор разбирает вопрс о человеческой счастливости, вопрос, столь же старый, как и самый мир. В этом разсказе ветеринарный врач Иван Иванович Чинша-Гиналайский рассказывает о своем родном брате. Брат его был самый обыкновенный „чинуша“ из губернского города. Сь девятнадцати лет он сидел в казенной палате, строил бунга и все тосковал по деревнѣ, гдѣ протекли годы его дѣтства: онъ неспоконно, какъ онъ дни и ночи проводить въ лѣсу, въ полѣ, бѣгать за лошадьми, ловить рыбу и тому подобно... Между тѣмъ, дѣятельность была совершенно противоположна его мечтамъ и воспоминаніямъ. Его окру предсталились голыя стѣны, шкафы съ „дѣлами“, геоморфизальныя лица начальства и сослуживцевъ и бунга, бунга, бунга... Годы проходили, и онъ все сидѣлъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, писалъ однѣ и тѣ же бунга и все думалъ о деревнѣ. И вотъ эта мечта, какъ бы пощасть изъ деревни, незаметно перешла у него въ желание непремѣнно жить „своей“ угодью, „своей“ садъ и „своей“... крыжовникъ... Почему именно крыжовникъ, а не другая какая-либо ягода,—это безразлично для насъ. Въ міражѣ человеческой души есть такіе таинственные уголки, которые очень трудно разглядѣть и понять, такъ и въ жизни Николая Чинша-Гиналайскаго былъ какой-нибудь случай, воспоминаніе дѣтства или что-нибудь подобное, что его натолкнуло на крыжовникъ.

Желаніе пріобрѣсти ильнѣ сдѣлалось для него завѣтной мечтой, іідеѣ fixe, на осуществленіе которой онъ вложилъ все свои силы и стремленія. Онъ страшно жадничалъ; жилъ очень скупо; не добдалъ, не дооивалъ, одѣвался Богъ знаетъ какъ, словно нишій, и все копилъ и клалъ въ банкъ. Если братъ ему что-нибудь носылалъ на

прасидники, то онъ и это читалъ. Въ дѣтершеніи этого, Чинша-Гиналайскій, когда ему нинуло сорокъ лѣтъ, женился на старшѣ, некрасивой мичи-ветерской идонѣ, но изъ-за любви, конечно, и изъ-за денегъ, такъ какъ у ней былъ капиталъ, и сталъ приучать ее къ своему режиму. Жена его отъ такой жизни вскорѣ скончалась, чѣмъ увеличилась состояніе Чинша-Гиналайскаго. Тогда-то онъ достигъ своего „счастья“ и купилъ ильнѣ. Идаль, къ которому онъ стремился всю жизнь, былъ достигнутъ! Началось спокойное, довольное житіе. Николай Чинша-Гиналайскій обжился, кушалъ много, въ банѣ мылся, исполнѣлъ, обрѣзалъ, былъ лѣтотъ каждый день крыжовникъ, на который не могъ быть волненія снотрѣть, при мысли о томъ, что онъ „своей“, въ „своего“ сада, и онъ его съ жадностью ѣлъ и все повторять: „Ахъ, какъ вкусно, какъ вкусно!“—хотя крыжовникъ былъ жесткій и кислый.

Гиналайскій былъ счастливъ... Но въ чемъ же выражалось его „счастье“? Въ какомъ отношеніи ко всему окружающему. Въ пріятности, нежестости и скотодорода. Онъ жилъ совершенно растительной жизнью, не имѣя никакихъ интересовъ, кромѣ личныхъ. Общественная жизнь и общечеловѣческіе идеалы для него не существовали. Сельскохозяйственные книги и софты въ разныхъ календаряхъ были его единственной духовной пищей. Въ газетѣ онъ читалъ только объявленія о продажѣ ильнѣ. А самыя ильнѣ въ его утѣ представлялись усадьбой съ прудомъ, полными карасей, и фруктовымъ садомъ, въ которомъ былъ непремѣнно... крыжовникъ... Дальше этихъ „утробныхъ“ возжелѣній его фантазія не доходила... Это былъ крайній предѣлъ его мечтаній, въ которыхъ выразилась вся духовная сторона его жизни.

Пусть не подумаютъ читатели, что Гиналайскій похожъ на тоголевскаго Петра Петровича Пѣтуха любившаго хорошо покушать. Петръ Петровичъ зналъ толкъ во фруктахъ и ягодахъ и, навѣрно, не сталъ бы хвалить и называть вкусными кислый и жесткий крыжовникъ. Петръ Петровичъ ѣдалъ и карасей въ снотанѣ, но только на-

готовившихъ рушью искуснымъ поваромъ, а не руками „толстой, гололобой, воека“ на свиньѣ, кутарки“, какъ объ этомъ разсказываетъ братъ Гиналайскаго.

Чинша-Гиналайскій не похожъ также на старшанаго сунда Платонова. Платонокъ собиралъ разную дрянъ безъ какой определенной цѣли,—онъ собиралъ все, что ему на попалось въ глаза.

Чинша-Гиналайскій былъ „счастливымъ“ человекъ. счастливый тѣмъ, что онъ достигъ своего счастья—спокойнаго, сытаго, животнаго самодовольства и самоуваженія, ничего не знающаго и звать по котичамъ, кромѣ только себя, своего згонама и того спокойствія, которое испытываетъ корона, жушшая жвачку...

Въ другомъ разсказѣ говорится о любви. Любовь—„es ist alte Geschichte, wie Weibst immer sein“, какъ говорить ильнскій поэтъ. Да, это старая исторія, которая вѣчно будетъ новой. Алексинъ, герой этого разсказа, не мелкій, захудалый губернский чиновникъ, мечтающій о „крыжовникѣ“, какъ о счастьи, объ идеалѣ,—это—человѣкъ съ универсальскими образованіемъ. По воспитанію бюлоручка, по важности—человѣкъ кабинетнаго труда, онъ волею судьбы, а отчасти и по собственному желанію и въ-которомъ разсчитанъ, сталъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ изъ доставшенна ему послѣ смерти отца ильнѣ. Но какъ человекъ совершенно иного склада, ума и воспитанія, онъ не могъ сразу окунуться въ сѣренькія будни мелочной деревенской жизни: по собственному призванію, онъ началъ работать „съ отпращеніемъ“. Въ первое время ему казалось, что онъ можетъ легко помирить рабочую жизнь съ привычками культурнаго, образованнаго, воспитаннаго человека. Но это оказалось невозможнымъ. Жизнь и окружающая среда засосала его, словно въ тину: вмѣсто того, чтобы опочивать въ своей спальнѣ, ему приходилось усталому и разбитому засыпать послѣ работы гдѣ-нибудь въ сенихъ, въ сараѣ или въ лѣсовой сторожкѣ. Гдѣ ужъ тутъ было думать о чтеніи книгъ, журналовъ, газетъ, когда приходилось забросить самыя необходимыя культурныя привычки.

Витебские губернские ведомости

1898. Октября, № 118,

С. 3.

И вот он, катящийся по плоской плоскости к непозволу, прищипнул, про-
стая случайность столкновения с одной из
пущей женщины Логановича, из кото-
рой вырвалось его возглас. Она затруд-
нилась определить, что из неё было такого
необыкновенного и неординарного. Ни она из
его взгляда была так хороша, холода,
добра и обязательна, что ему казалось, что
такой женщины он раньше еще никогда не
встречал, и он сразу почувствовал из
ней существо, из него близкое.

Начались встречи. Они стали часто вы-
ходить из дома ее мужа, забавного простака,
который искренно любил Алехину, как
хорошего и доброго человека. Алехина, при-
спосабливаясь к жизни супругов, видела,
что счастье и довольство жизнью парить
из них двое, и старалась отгадать, что по-
может быть общего между возлюбленным, забав-
ливым простаком и холодно, доброю, ин-
теллигентною и обязательною женщиною. То-
нкий этот загадочный, таинственный любовью и
ревностью, она увидела, наконец, что она
его тоже любить... В каждый приезд
своей из города, он видел, что она его
ожидала, и рада его приезду. Она подолгу
говорила между собой, но только не о своей
любви; она ее молча и ревниво скрывала
друг от друга. Что же удерживало их
тиснаться и скрывать свою любовь от са-
мих себя? Его удерживало благородство,
рыцарство, а ее — супружеский долг.

Она думала, что влеченье той будничной
и суровой жизни, которую она ведет, он
лучшего ничего не может ей дать, что,
придя к нему, она испытает много стра-
даний и лишений, и он не хотел ее ли-
шать и того, хотя бы кажущегося счастья,
которым она обладала. Она же, думая о
своих дѣтах, о муже и матери, невольно
чувствовала вопросы: принесет ли она Але-
хину счастье, не осложнит ли его жизнь
новыми тяготами и будет ли она ему под-
ходящей подругой из жизни? Так, таин-
ные своей совестью, они из то же время
чувствовали друг друга невысказанностью чувств
и тяжелым положением каждого.

Межь тем годы шли. В город хо-
дила слезами насчет их отношений. У

Дугановича была дурная привычка в го-
лосе измученности, измученности жизни.

Была иная, когда она, такая добрая
и ласковая мать, не мужа, не детей, а
она, добрая женщина, стала часто плакать
то к матери, то к сестре.

Что бы случилось такое таинственное по-
ложение невинности, но наступили внезапно
разлуки: ее мужа переманил из другой го-
рода. Дуганович уехала пока одна. Ее
привлекли на вокзал муж, дѣти, Алехина
и толпа знакомых. Между ними и треть-
ней знакомой Алехина искала из нагон
ся деревней, которую она любила. Тут
они их встретились. душевные силы оста-
вили их обоих, он обнял ее, зашептал
и стал безумно целовать, тут только с
большим сердцем поманил, как ипаче и об-
щично было то, что ишло из любви
друг друга... Они разошлись навсегда.

Алехина говорит: „До сих пор о
любви была сказано только одна правда,
что „тайна сия велика есть“, все же осталь-
ное, что говорили о любви, есть по рече-
нию, а только постановка вопроса, таин и
оставшиеся нерешенными. Из любви, самое
лучшее, объяснить каждый случай из от-
дельности, не пытаясь обобщать“. Но так
Алехина говорит уже после того, как
пережила свою драму. Как бы он посту-
пил из истории своей любви, если бы из
этой заключении он пришел раньше встреча
с Логановичем!..

Отъ этих рассказов Ал. П. Чехова
было бы тяжелой, безмолвной грустью,
если бы не общий принцип много, дѣ-
ланный автором устали рассказчиком:
„Не усложняйте, не дайте усложнить
себя, дѣлайте добро! Счастья нет и не
должно быть, а есть жизнь, и если она
имеет смысл и цель, то смысл этот и
цель — вовсе не в наименьшем счастье, а в
чем-то больше разумном и великом. Есть
жизнь, есть нравственный закон, иный
для нас закон... Дѣлайте добро!..“

Ио. Васильев.